2 февраля - День памяти поэта Владимира ТАБЛЕРА

Автор: Администрация портала
02.02.2021 00:00

ТАБЛЕР Владимир Оттович (2 февраля 1957 года - 22 мая 2010 года). Русский поэт. Жил и творил в Каунасе (Литва).

Из цикла "Цветная ложь"

***

Где эти комнаты, где проживало счастье?
Дверь приоткрылась бы, в малую щелку - шасть я!..
И ведь знакомы стены и пол, да и дверь сия ведь...
Дождь за окном говорит и сирень сияет.

Можно пойти наломать вороха махровья.
В зеркале олух влюбленный - глаза коровьи.
Очень печальные то есть... Боясь до колик,
бросить сирень в окно ей, на подоконник.

Или не дождь, а солнце - пали, не жалко,
носит по улице радугу поливалка.
Тени от листьев - сечку, рванье, обрезки -
лето качает в колышимой занавеске...

Слышу родителей - в кухне, вернулись с рынка...
Яблочный запах. Боже, - ранет, пепинка...
На косяке узнаю эти зубчики - метки роста.
Все насовсем, то есть невозвратимо просто...

Были потом удовольствия, кайфы, неги.

Реки молочные были, и арфы в небе.
Нынче, казалось бы, тоже - и цвет, и смак тут.
Но почему-то яблоки так не пахнут.

Смотришь на мир водянистым и сытым взглядом,
не замечаешь сирени, кипящей рядом.
В жизни то ямы, а то - в основном - равнина.
Все хорошо. Замечательно. Непоправимо.

***

Мы станем птицами, я верую -
любовь крылата и нетленна.
Наверное, ты станешь белою
и черной стану я, наверно.

Вдвоем мы воспарим над крышами,
не присоединяясь к стаям.
Средь черных птиц ты будешь лишнею,
чужим я белой стае стану.

Умчимся в дальнее пространство мы,
пронзая небеса предместья.
И вечным будет наше странствие
крыло к крылу - навеки вместе...

*

Владимир ТАБЛЕР. "Хоть сном. хоть духом...".
Исполняет Юрий ВОСТРОВ .

"Хоть сном, хоть духом...". Стихи и музыка Владимира Таблера. Исполняет Юрий Востров. Разместил eo

***

Вечер. Тракай, а закат - токай,
все охмелить собрался.
Играй, скрипачок, этот рай смыкай
с глюками твоих брамсов.

Замок замолк, на вратах - замок.
Нежить вот-вот завоет.
В стакане туман - на большой глоток,
чтоб заложить за ворот.

Пьян рыболов (он лицом рябой),
не избежал поимки.
Сазану-кукан, а ему - любовь
к барменше-караимке.

Ах, он топырит, неся стопарь,
грязный кривой мизинец.
-Пью за тебя!
А она :
-Ступай!
Калика, проходимец...

Вечер- он мастью чернее треф.
Сам себя спросишь: "Кто ты?"
Пес ли ты рыцарь, иль так, пся крев,
родина злой икоты...

Дворник

Робкий свет зари повис,
дворник взялся за труды -
выметает вторник из
окружаюшей среды.

У него перчатки - шик,
у него метла - улёт.
А он ею - шух да ших!-
и под нос себе поет.

Эта песнь - не вой щени,
ему сферы муз близки -
то есть из "Хованщины",
потому как - Мусоргский.

Он, как шайбу - с пяточка.
У него бросок - мощА!
У него жилеточка
светоотражающа.

Хоть Николой наречен,
у него дворов - пять штук,
и размерами причем -
есть, где - ших и даже - шух!

Ты мети, Колян, мети,

коль служенье таково.
Может, вовсе нетути
дел важнее твоего.

Даже если жизнь утла,
знаю, что не сдамся злу,
коли раненько с утра
слышу Колину метлу.

*

Владимир ТАБЛЕР. "Романс".
Исполняет Юрий ВОСТРОВ .

"Романс" ("Как я любил, я создавал миры...). Стихи и музыка Владимира Таблера. Исполняет Юрий Востров. Разместил ео

***

После дождей разнообразных
всех степеней
природа закатила праздник
на сорок дней.

На срок великого потопа
включив, как душ,
всю ярость солнечного тока -
жару и сушь.

Но праздник, жаром уморяя,
угас, зачах...
Луна с иссохшими морями
плыла в ночах.

Цвела вода, хирела зелень,
зной тек, как слизь.
И вовсе не было лазеек
остыть, спастись.

А что позволено при пытке?-
Сиди, потей,
ищи неяркие прибытки
в слоях потерь.

И коли не найдешь ни грана,
так хоть поймешь,

что наша жизнь - фата-маргана,
цветная ложь...

***

Прав ли твой инквизитор?
Транк ли твой вилизатор?
Знаешь, по ком позитор?
Чуешь, по ком мутатор?

Нет, ты мышей не ловишь -
мЫшленье кособоко.
Тешь свою репу, овощ.
Множь своих блох, собака.

Мол, ты почти что вечен.
Дескать, печали канут...
Фигушки, милый, - вечер...
Ариведерчи. Аут...

Сколько тебе осталось?
С гулькин хренок иль носик.
Кажется, трусишь малость?..
Осень, парниша, осень...

***

Наверное, пора бы о душе,
подумать, пошептаться, посудачить
с ветрами в индевелом камыше
и шорохами выстуженной дачи.

Вот я, живущий, бесом обуян,
смеюсь и вою в спящем состояньи,
вот вы - чуть шевелящие бурьян
и снегу придающие сиянье...

Вы то - звезда, а то - древесный ствол,
то вы - мотив в сосульчатой челесте.
А я, творец пустопорожних волн
и созидатель бубличных отверстий...

Я не умею, милые мои,
которых слышу в воздухе холодном,
крутить снежинок белые рои
и быть от всякой сущности свободным.

Но тоже стану вечен и безлик,
и буду жить в терновнике и дроке,
и вместе с вами шевелить тростник
и завивать поземку на дороге...

*

Владимир ТАБЛЕР. "Любимая".
Исполняет Юрий ВОСТРОВ .

"Любимая". Стихи и музыка Владимира Таблера. Исполняет Юрий Востров.
Разместил
ео

Из цикла "Мне помнится тепло"

***

Веселимся на пиру, духаримся ль кучеряво -
мы - травинки на юру или камушки у яра.
Сломит ветер, скинет вниз чья-то воля или случай -
и закончен экзерсис темнотою неминучей.

Нам собрата бы жалеть за назначенность планиды,
но вздымают слова плеть друг на друга индивиды.
Бог незряч и рок жесток, все сосчитаны подробно...
Но втыкает локоток ближний ближнему под ребра.

Много надо ли - плевок или мелкая подлянка.
И гляди - еще чуток извели того подранка.
Вроде, он де-факто жив, и де-юре - тоже, вроде,
но беда течет, как жир, по надорванной аорте...

Дорогая, мы с тобой тоже той модели слуги...
Ну давай закончат бой эти губы, эти руки.
Ты мне врешь, тебе я вру, и зачем-то вечно спорим.
Мы ведь свечи на ветру. Мы ведь бабочки над морем...

Улыбнусь и обниму, подышу теплом на пальцы.
Налетающую тьму вместе легче не бояться.
Обними и улыбнись. Посмотри у края ямы
два ростка переплелись одинокими стеблями...

***

Чтобы вернуться надо бросить монету...
(примета)

Брошу монету в море и в реку брошу,
грОши просыплю осеннему дню вослед,
к лиственным злотым мелочь подкину в рощу
и белый цент, как в копеечку - в белый свет...

Время придет - под приглядом безносой дамы
буду плестись я последней своей межой -
дай, Боже, сил, отзываясь на пафос драмы
пусть не тугой, на прощанье тряхнуть мошной...

Или река. И гребец. И его шаланда.
- Не торопи, не на праздник отчалим, чать.
Тугрики мелкие нА берег брошу, ладно?
Дай мне их бросить и чуточку помолчать.

Кину монетку в руки любимой тоже...
И возвращусь, и не раз - иногда и вдруг.
Пусть не похожим, а так - муравей по коже,
крикнет сова или стукнет о лампу жук.

И возвращусь и опять, и опять, и снова ...
Знаешь, паромщик, я выбросил свой обол,
чтоб в сновиденьи утреннем в пол-восьмого
ей повторить самый главный для нас глагол...

Из цикла "Сим сообщаю..."

***

...В эти дни спокойно и дождливо.
А в саду, охваченный божбой,
август переспелого налива
бьется оземь яблочной башкой.

Будто враль, ударившись в моленье,
в коем показушно нарочит,
под ногами садонаселенья,
в почву горьким темечком стучит.

Обманул спасенье обещавший,
но и сам не смогший обрести...
Так лежи, хмельной и обнищавший,

и с последним семечком в горсти...

***

Итак ты выжил после детских драк
и шалопайства пубертатной зоны,
не променял здоровье на кабак,
азарт и шаловливые гормоны.

Ты избежал проказы и чумы
(а от нестрашных немочей излечен).
И пусть не лез в высокие чины -
зато и плаха чавкала далече.

И не спешил ни "за", ни "супротив".
На кухне ересь гнал по мелочевке.
Из-за тычка, к примеру, суп пролив,
весь мир бранил за тесноту хрущевки.

Ты простоял, как ботик на мели,
неладность даний да и ладность тоже.
И не тебя к помосту отнесли
четыре вертухая менторожих.

О мудростях скрижальных не вещал
и не творил кумира из крамолы -
к событьям, людям, истинам, вещам
нетрудные прилаживал глаголы.

Ведь ни к чему к богатству ладить гать
и лезть во власть, расталкивая челядь,
чтобы любить, мечтать и горевать,
терпеть, страдать и помнить, и лелеять...

***

...Сим сообщаю, что мир мой стал бел и скользок,
сир и бесплоден. Из проводов над ним
сиверко тянет грусть, как из скрипки - Ойстрах.
Нудный трехфазный тмутараканский гимн.

Окна твои... Вспоминаю миганья светом.
Лампой настольной, шутя, семафорил "SOS"...
Сим сообщаю, маяк твой захвачен смердом.
Высохло море, а флот в палисадник вмерз.

Тысяча лет, как отбыло твое семейство.
Голуби сдернулись, верные, как пажи,
вслед за тобой на последней минуте детства,
выписав на небе длинные виражи...

Пьяница Клава походкою оробелой
двор переходит, стремленья ее ясны.
Вряд ли ей хватит средств на покупку "белой".
Красным продуктом полечится от белизны.

Тысячу лет зима. И согреться нечем.
Хоть мне пятнадцать, но стар я, как вечный жид.
Да и не жид, конечно, а так себе - полунемчик...
Их бин мамут, что в мерзлотных пластах лежит.

Зря это я - глухариный поклеп заладил.
Мне о тебе бы весть- хоть придумай сам...
Где ты теперь у заливов каких зеландий,
нов ли твой Йорк и вполне ли Франциско Сан?

Знаю, где ты - там всегда синева и солнце,
винной лозою становится лебеда,
носят самбреро туманные альбионцы
и самоеды смеются, себя едя.

Сим сообщаю, что тоже уеду скоро...
Отца переводят. И мне, стало быть, за ним...
Ладно, прощай! Это все ерунда, умора –
что из зимы никому не отправил сим...

Из цикла "Завтра"

Когда того потребовали даты

Когда того потребовали даты,
был осенью захвачен городок.
И дерева, как пьяные солдаты,
Шумели и качались у дорог.

По городку, оставленному летом,
Я взад-вперед слонялся не спеша.
В моей душе, как и в местечке этом,
стояло ощущенье грабежа.

Здесь был костел, шедевр архитектуры

какого-то столетья , и еще
развалины льняной мануфактуры
светили тускло красным кирпичом.

Был парк – остаток панского маёнтка...
Как хорошо здесь было бы вдвоем...
И девочка с глазами жеребенка
Кидала листья в темный водоем..

А вырастет она и будет письма
бросать в молчанья черные пруды.
И будет умолять кого-то - снись мне!
И что-то создавать из пустоты.

А сторож спички шарил по карманам,
Чтоб листья жечь, чтоб погрузилось в дым,
как в зелье, запрещенное кораном,
все, от чего становишься седым.

И я просил кого-то в небе - рАтуй!
Но этот кто-то мне не отвечал.
Он по небу, заведуя парадом ,
куда-то журавлей перемещал.

Я сам себе судом был бесполезным,
но что-то все ж доказывал судье.
И говорил со сторожем нетрезвым
о женщинах, политике, судьбе.

В беседке мы общались с ним, на фоне
разора, поражения, утрат.
Глаголов, сослагательных по форме,
кружился между нами листопад.

И мы –таки освоили пол-литру,
закусывая салом и лучком,
и подмешали в осени палитру
тоску, произносимую молчком.

Из цикла "Плачущее дерево"

Май

Какой сегодня ветер во дворе!
Кто обвинит в нем май – не ошибется.

Глядите-ка, полуденное солнце
горит на нем, как шапка на воре.

Развешивает женщина белье.
А ветер ее ситцем облепляет,
как пестрою пыльцою, и влюбляет
ленивых доминошников в нее.

Им выпить бы – да нету ни рубля...
Глядят на чистоту ее полотен,
мечтающих в замедленном полете
стать парусом иль гюйсом корабля.

Тоска в мужских неласковых глазах.
В карманах тает на закуску сало.
А в жизнях их не будет Кюрасао,
не ждут их на ванильных островах.

А будет жизнь им кадыки тереть,
тяни ее - для пирамиды глыбу.
И «пусто-пусто», стало быть, и рыба!
И хоть бы рубль...
Невмоготу ж терпеть!..

И к небу поднимается рука,
святая от усталости и пота.
И вешает на след от самолета
большие кучевые облака.

Из цикла "Молитва"

Текла Швянтойи*

И было лето. И было утро.
светло, лазурно.
Все было в мире легко, нетрудно
и все разумно.
Река ШвянтОйи струилась плавно
и равномерно.
Все было важно, все было главно,
все было верно.
И шмель гудящий, и ужик скользкий,
и птах парящий
не мыслью были в усталом мозге,
а настоящи.

Чешуйки, шерстки, цветы, коренья
волокна, нити –
все отвечало предназначенью,
делам, планиде.
Кому-то - когти, кому - копытца,
кому-то -крылья.
Кому быть ловчим, кому ловиться –
успеть в укрытье.
И совершались в одно мгновенье
легко и чисто
кровопусканье, кроветворенье,
любовь, убийство.
Все было свито в узлы, узоры,
круговороты
воды и праха, семян и сора,
судЕб, свободы.
Бессонье с дремой, покой с движеньем -
все было равным.
И совершалось плодоношенье
назло потравам.
И было лето. И было лепо.
И день погожий.
Текла Швянтойи полоской неба,
слезою Божьей.

**ШвянтОйи - река в Литве (вернее, даже две реки с одинаковым названием, одна - приток Нериса, другая впадает в Балтийское море в поселке с одноименным названием, в данном случае речь идет о притоке Нериса).Швянтойи в переводе Святая. В них крестили Литву*

Июль. Жара

Июль. Жара. Не продохнуть.
Свернуться в кокон... Выждать... Выжить...
И время, словно губку выжать
до свежести какой-нибудь.
Пот каплет с лип, стекает с лиц.
Сам, как в руке леденчик, липок.
Влачишь себя среди улыбок
мальчишек и отроковиц.
Они еще в другой среде,
легки, как в омуте плотвички.
И рАдужны их роговички.
И смех – как блики по воде.
А ты, скребущий свой сусек,

насущный хлеб соображая , -
всего лишь выгнанный из рая
угрюмый потный человек.

Послесловие

Помню - в летнем сумраке в комнате под крышей
мы с тобою умное послесловье пишем,
послесловие к любви. По законам жанра
тонут наши корабли – капитанов жалко...
Заплывают рыбками в гибнущий кораблик
слезы твои липкие, как гуммиарабик.
Не могу не верить им, только не приклеюсь,
хоть и больно бередим то, что не сумелось.
И ни оторопь, ни страх не висят меж нами,
громко цокает в часах нетопырь когтями.
Мы копаемся в золе, всяком окаянстве.
Ты на самой на заре говоришь:
- Останься...
Если б раньше позвала! Если б только, если...
Перегрыз бы удила, оторвался с песней.
А теперь на теле всем – брачные печати,
и над яслями с овсом головой качать мне.
Я жену свою люблю,и не быть измене –
растворяться кораблю с черной грустью в вене.
Не могу я , как с любой, как с ничейным телом.
Не могу свою любовь пачкать адюльтером.
Драгоценный человек, девочка-шляхетка,
для тебя во мне навек лишь грудная клетка.
Мы дожили до зори, до последней строчки.
Мы теперь как пузыри – только оболочки...

Хлещет дождь на Укаяли

Хлещет дождь на Укаяли.
Да у нас не лучше гнусь.
И душа, как мышь в рояле,
гулко гложет свою грусть.

Не просохнуть, не согреться.
Сердце водоросли рвут.
Ой ты, сердце, мое сердце,
мой печальный субпродукт.

Неохота стало драться
даже с лучшим из врагов.
Мне б податься в травознатцы –
чай попить из сорняков.

От того, быть может, чая
из цветочков и стеблей
хоть немножко б полегчало –
меньше б думал о тебе.

Дождь идет на Ориноко,
сельву струями лупя...
Ничего, что одиноко.
Просто плохо без тебя.

Из цикла "К той реке..."

***

Стужа была - опричь ее
не было сил иных
в мороках безразличия,
ватных, волосяных.
Голое заоколие
души заволокло -
внутренняя монголия,
стылое толокно...

Но покачнулось, тикнуло,
клюнули капли снег,
глянула ртуть на лик нуля
и - побежала вверх.
Речка в ладони дельтовой
стиснула острова,
так напряглась от этого-
лопнули рукава.
Льдины ломая на части, как
вафельные круги,
сдвинулись в вешних часиках
оси, храповики!..
И понеслось, забулькало,
синь разлилась, разя
ярко и незабудково
пасмурные глаза.
Золотко мое, золото,

ходит все ходуном,
холода тело колото
мартом- хохотуном...
Милая, мука кончилась,
с говором талых вод!
В воздухе колокольчики,
радостный кислород!

***

А над НЕрингою* гуси летят
параллельно берегу, в ряд.
А верней, не ряд у них – это клин.
И куда ни кинь – всюду синь.

А я с мола рыбку ужу.
А вернее, за гусями слежу.
Ты не прыгай по воде, поплавок,-
мне весна подула в манок.

А ты рядом, близко стоишь,
на гусей с улыбкой глядишь -
как они летят, гомоня,
а вернее, - на меня, на меня.

А в глазах твоих искорок взвесь.
Или гейзеры в них звезд-бетельгейз.
И такая ты весенняя вся,
что весеннее придумать нельзя.

Я тебя руками обвил,
вот, небось, помру от любви.
А коль выживу - то лишь потому,
что еще сильней обниму.

**Неринга (ударение на первом слоге) - общее название населенных пунктов на литовской части Куршской косы (Нида, Прейла, Пярвалка, Юуодкранте, Смельтине)*

Из цикла "Ливень слепой"

***

Ходить и щуриться на свет
на фоне парковой натуры,

где воздух к полдню разогрет
до благостной температуры.

Без постной мины, без личин -
ну разве что глаза заУжу...
Осенним светом облучить
свою растрепанную душу.

И просто называть - не вслух -
приметы видимой картинки -
скамейка, лужица, лопух
и паутинки, паутинки...

Следить за летом голубков
сквозь желтое и голубое.
И хмель не сделанных глотков
дрожащей чувствовать губою.***

Ходить и щуриться на свет
на фоне парковой натуры,
где воздух к полдню разогрет
до благостной температуры.

Без постной мины, без личин -
ну разве что глаза заУжу...
Осенним светом облучить
свою растрепанную душу.

И просто называть - не вслух -
приметы видимой картинки -
скамейка, лужица, лопух
и паутинки, паутинки...

Следить за летом голубков
сквозь желтое и голубое.
И хмель не сделанных глотков
дрожащей чувствовать губою.

***

..И больше нам не быть вдвоем -
мечтой себя не изводи.
Меж пристанью и кораблем
все шире полоса воды.

Машины крутятся враздрай

и вертят утлый шар земной,
на место возвращая рай,
навек закрывшийся за мной.

Пролива черная вода
мертва, как деготь или клей,
а в ней пустые невода
и прах сожженных кораблей.

Разлукой воздух заражен.
Прокисшим хлопком безнадег
зовущий берег заращен
иль в водяную бездну стек.

Лишь ты - как звездное пятно,
сияющее на молу...
Куда плыву я - все одно...
Ни жить, ни сгинуть не могу.

***

Будто все окончено.
И начаться нечему...
Кружит птица ловчая...
Плачет птица певчая...

Растворили грешника
лес и берег Немана.
На листок орешника
мое сердце меняно.

Кровь теперь створожена
в барбарис, рябину ли.
Празднуй, заполошное
племя воробьиное.

И уже беспаспортный,
и никем не узнанный,
и умею запросто,
быть и сном, и музыкой.

Над своими милыми,
над прощеным ворогом
бить умею крыльями,
плыть умею облаком.

А душа проточная,
от тумана млечная...
Плачет птица ловчая...
Замолчала - певчая...

***

Ливень случился слепой,
праздничный, раззолоченный.
Падай, рассказывай, пой,
медленный мой, алычовый.

Лей на камыш-очерет,
брызгай на крылья касаток
овеществившийся свет,
солнечный жидкий осадок.

Радуйся, каждый простак -
вечно желавший охотник,-
небо в фазаньих хвостах,
пестрых, лоскутных, лохмотных!

Ливень, дружище, браток,
дай своей пенистой влаги
высохшим лонам проток,
мутной кринице в овраге.

Дикий омой виноград,
путайся в пене кичима.
Все поправимо, мой брат,
так или сяк излечимо.

Из цикла "Только дорога"

Бессонница

Бессонница. Бессмысленность. Бронхит.
Все кошки серы. А все звуки сиры.
В тюль занавески лунный гол забит.
А с центра поля начинать нет силы...
Давай тогда ударом от ворот
(а судьи где? И кто они такие?)
Перед тобою в клеточку блокнот –
узилище для знаков ностальгии...

И хищный паркер –клювик золотой
пошел пихать крамолу по ячейкам –
слова о том, что прожито тобой,
как будто о чужом или ничейном...

...И стало быть, футбол на пустыре.
Сурепку мнут мосластые эфебы.
А если говорить о вратаре,
то он глядит в клубящееся небо,
где серебристой молью – самолет.
Голкипер переводит взгляд свой долу.
Каемкой поля девочка идет,
несет в руке включенную спидолу.
И он закрыл глаза, и он ослеп.
В спидоле битлы средневолновые
кого-то умоляют, чтобы хелп...
И пахнут медом травы полевые.
Ему кричат, ругают – идиот!
Мяч за чертой добра и зла. И Бог с ним!
Она идет! Ах, как она идет,
ломая жизнь растеньям медоносным.
На фоне посеревших облаков
и пустозвонной грубости пацаньей...
И платьице из крыльев мотыльков
и чистых неизведанных мерцаний...
В других мирах – бессонница, луна,
тяжелое бронхитное сопенье...
А там вода во облацех темна.
А девочка светла и незабвенна...

***

Далекое соло сакса.
Звучит ли? Вообразил?
В горле образовался
шершавящий абразив.

Мелодию-самозванку
дослушать не тороплюсь.
Пинаю пустую банку -
пусть бонги подкрасят блюз.

Мотив, чей ты голос выткал
Из блюзовой размазни?
Дружки мои - Гинтас, Витька ль
окликнули:

-Отпасни!

Но зря озираюсь. Глупость.
Их нет ни в одном из мест.
Их взяли суглинок, супесь
и круговорот веществ.

А блюз, ты пищаньем куцым -
не скроешь простую суть...
Мне есть обо что споткнуться,
но некому отпаснуть.

Давай-ка погнись от песни,
злаченый ручной удав...
Когда-то мы будем вместе.
Я знаю, что в этом прав!

А в небе лилово-мокром -
ужель они оба там -
друзья банку с летним громом
пинают по облакам.

Из цикла "Когда оглянешься"

***

Одиноко мне в толпе,
как жирафу на Памире.
Я скучаю по тебе,
будто душу прищемили.

К пункту А из пункта Б,
жилки красные на карте -
моя кровь течет к тебе,
так и вытечет по капле.

***

Зима пришла так вдруг, так сразу
(хотя, казалось бы, и в срок)
по ранам осени, по грязи
на язвах выбитых дорог.

И снег пошел, сначала редок,
ложась на землю, на бетон,

на скрюченные пальцы веток
стерильным тоненьким бинтом...

А вот и густо закружился,
захлопотал он, ворожа,
над исстрадавшеюся жизнью,
как сердобольная душа...

Расслабься, братец мой, утешься,
довольно маяться виной,
все милосердно скроет снежный
и нежный ветер ледяной.

И очень многое не спелось,
и что-то причиняет боль,
но снег –сиятельство и светлость-
все это скроет под собой.

Увидишь -пусть обманет зренье-,
когда оглянешься на след,
одни лишь светлые мгновенья,
как будто был там только свет...

***

Концерт для гобоя и струнных А.Марчелло "Адажио"

Пел гобой, со мной говорил
не сулил былому правИл.
Память, будто рыбку, вываживал
на прозрачной леске адажио.

Не судил, как сонный зоил,
возносил и синью поил -
высоко – и возможно выше ли?-
чтоб печаль – клином клин- да вышибить.

Как, Марчелло, вызнать ты мог
про мирок мой – ворох морок?
И пришел, не побрезгав логовом,
со своим торжеством барокковым.

Поднимал меня за собой
в голубое небо гобой.
Где-то там было Богу богово.
А мне - облако белобокое.

Увлекал туда без труда,
где была мокрее вода,
где всемирное тяготение
тяготило намного менее...

Где все можно было суметь,
где судьба еще не комедь ...
Где та девочка с нотной папкою,
а грусть пО сердцу – потной лапкою...

Поднимал меня за собой
в голубое небо гобой...

Из цикла "А дальше что?"

***

...А под мокрою радугой –
дол зеленый смарагдовый,
Здесь все просто, легко и в лад.
И сам воздух зеленоват.

А лошадка под ивою
с ивой спутана гривою.
Глянешь в небо высокое –
солнца около – соколы.

А в траве- то кузнечики
точат сабельки-мечики.
Чуть дрожит от дневной жары
воздух в искорках мошкары.

Тьму грунтовую проколов,
бьют там тысячи родников.
В небо вырасти норовя,
рвет себя из земли трава.

Не скорбей и не слез юдоль –
только воля и вширь, и вдоль.
Никаких нет вериг, тенёт -
жизнь как в чистой воде плывет...

Если надолго пропаду
в темноте, суете, бреду,
бросит дух ли от божьих губ

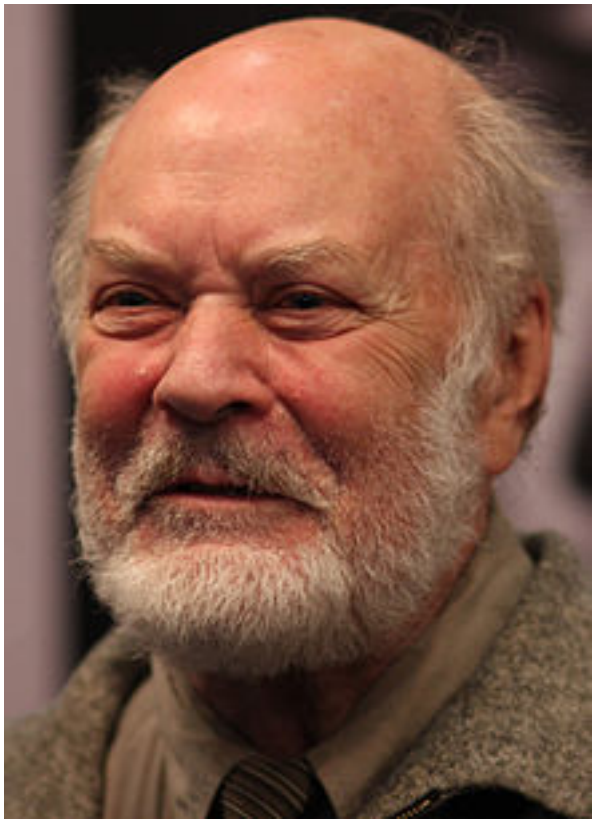
за сатурновый хула-хуп –

все равно отыщу я мост,
чтоб вернуться сюда со звезд,
от харибд и от сцилл уйду,
улизну из котла в аду.

Коль не в нынешней жизни - пусть...
доползу, дорасту, вернусь...

Страница Владимира Таблера в Сети
Страница Памяти поэта Владимира Таблера

Лев Аннинский

ЧЕРЕЗ ЗВЁЗДЫ - К ТЕРНИЯМ

Послесловие к книге стихов Владимира Таблера "Когда оглянешься".

Автор: Администрация портала
02.02.2021 00:00

Мне б до терний дотерпеть, Пробираясь через звёзды...
Владимир Таблер.

На конкретные вехи своего пути и на подробности своей родословной Владимир Оттович Таблер оглядывается неохотно. Приходится домысливать, почему его отец, Отто Таблер, оказался в пермских Березниках в середине 1950-х годов. Приехал по распределению на знаменитый комбинат? А может, всё произошло поколением раньше - и рванули сюда деды-бабки на крыльях пятилеток, когда комбинат ещё строился? А может, не на крыльях, а в вагонзаке – эпоха была неразборчивая. А может, ещё раньше - когда прадеды «остзейского разбора» проложили путь на Урал из западных краёв Российской Империи?

Для поэтической родословной эти следы имеют уже несколько отдалённое значение. Зато важен момент появления поэта на свет. 1957 год.

Сталина нет. Отчищаться необязательно: отчищаться принялись старшие братья, «зачатые второпях и доношенные в отчаянии», - те прокляли систему, которая обрекла их на скудость жизни и лживость доктрины - старшие с системой рвали, от её давления прятались, служить ей отказывались, уходили в котельные и бойлерные…

А этим и прятаться незачем – без них случилось. Оттепельные 60-е годы прошли над ними дедсадовским дождиком. А в 70-е, когда дряхлеющая система к столетию Ленина встрепенулась и попробовала вернуть себе авторитет (Куба… Че… Мировой социалистический лагерь…), никто уже не понуждал молодых к идеологическим клятвам. Идеология уже не нависала топором из-под кремлёвских звёзд, а реяла где-то среди звёзд обживаемого космоса. Поколение, которому пророчили родиться и вырасти при полном коммунизме, могли этот коммунизм выбрать или не выбрать; хочешь – берёшь (идёшь в пионеры, в комсомол, в партию и дальше по карьерной лестнице, «расталкивая челядь»), а не хочешь – живи себе «в терновнике и дроке», «шевели тростник», «завивай позёмку на дороге».

Детство (самое раннее – в березниковско-пермском варианте, потом – в Ефремове, на берегах Красивой Мечи), отрочество (в варианте гродненском - отца перевели?) это поздне-советское октябрятско-пионерское детство-отрочество фиксируется немногими нейтрально-серыми штрихами, точными по фактуре и туманными по перспективе.

Ближний мир пахнет домашним раем. То есть яблоками и айвою, едва проснёшься. Пломбиры – яблочный и клубничный – остаются в памяти метами счастья. Хотя со временем и выясняется, что «обучение счастью» - обман. По ходу школьного обучения «душа плавится» в «жире идей», но быстро оживает, потому что в окно слышит «футбольный шум».

На дверном косяке остаются зарубки роста – знаки семейного благополучия. Но выйдешь за порог – и попадаешь в плен серых и тесных панельных хрущёвок. В крутонравный Урал. В тульскую глубинку. В истоптанную войной землю Беларуси.

Дворовую жизнь скрашивают «детские драки». «Конопатые друзья, мячики да велики». И только?! Но позвольте. Гродно – хоть и самый западный краешек Страны, но неотъемлемый - ни от Страны, ни от Соцсистемы. Где же праздничные флаги, шествия колоннами, красные флажки?

«Флажок держал ли?» - искренне сомневаясь, припоминает лирический герой. И сардонически переспрашивает: «А был ли он ал?» Юный гражданин легко применяется к ситуации: «хлопает со всеми» и «чавкает в такт». Но куда лучше и понятнее – «битлы средневолновые».
Присутствие зарубежных манков настолько сладостно, что родные кварталы предстают большею частью в отрицательных координатах: Непариж… Немадрид… Там - финтует Гарринча! А тут - волтузят друг друга пьяницы да доминошники ищут, где бы стрельнуть рубль. Такой вот «райцентр с тоской и воронами»! Такой вот мир «окаянно-окраинный». И нет из него исхода:

Хоть существую вне
америк иль японий,
но все ж - в чужой стране,
как хрен среди бегоний.

Сижу невыездным
в европовом приямке,
мне глаз не выест дым,
что сладок и приятен.

Отметим щегольской штрих, отсылающий нас к поэтическим предтечам, к воспетому классиками дыму отечества.

Так всё-таки, это бытие – патриотично? Дым – сладок? Или благовония чужбины слаще?
Представьте себе: патриотичен. Ибо быть на чужбине хреном среди бегоний ещё смешнее. И горше.

А под родными звёздами что же, слаще?
Да в том-то и дело, что ни слаще, ни горше. Никаких красных звёзд нет в отеческом окоёме, хотя вырастает отрок, символически говоря, под ними. Но:

Империя гибнет, ей срок - сойти,
как ни дели и властвуй,
за тысячью сгинувших Византий
в осадок сусальных царствий.

В накренившейся империи отсутствие символических звёзд особенно ощутимо – в контексте звёздного пантеона совсем другого толка.

«Где-то какие-то звёздочки есть», - но в серо-бетонных кварталах они не видны. А если

где и видны, то – не в вышине, а «у дна», во мраке оврага, под ногами. Если же всё-таки в небе, то похожи они там – на «репьё».

«Звёздное репьё» - стилистический камертон. «Варево, густое от звёзд и соловьёв» - блюдо той же кухни. «Хочешь – звёзды в руки, хочешь – солнце в пуп» - вот и всё небесное меню для свободного выбора. А если звёзды и солнце – одного распыла, то пожалуйста: звёзды сжигают любовь. То есть, если звёзды зажигают, потому что «это кому-нибудь нужно», то Таблер переключает зажигание из патетики в сарказм. В насмешливо-бухгалтерскую ведомость: «Я в космос прыгнул и среди звёзд вписал артикул, размер и ГОСТ». В деревенско-простецком варианте: «Таскает звёзды тёще колодезный журавль». В соседнем столбце – глубокомысленные «бетельгейзы». И никакого сиянья. «Звёздное пятно» - не для живых, оно для отлетевших. У них там всё это в горстях, а у нас – в мнимостях.

Однако вот вопрос: если звёзды – мнимости, то почему всё-таки мысль поэтическая всё-время к этим мнимостям возвращается?

Во-первых, потому, что они входят в традиционный список поэтического вооружения. Таблер к такого рода амуниции профессионально чувствителен и, как правило, ею стих насмешливо простёгивает.

Во-вторых (и это уже индивидуальный аспект) что-то этими звёздами ему объяснено от Всевышнего, что-то эти звёзды в его судьбе значат. В диалоге с душами ушедших они ему отвечают. НА что-то отвечают. ЗА что-то отвечают.

Как и положено по традиции, отвечают они – НА вопрос о вечности. Отвечают – ЗА то, что горизонт полон смысла. ЗА перспективу.

А если нет перспективы? Если вместо «вечных» ценностей преподнесён тебе эпохой «чистый лист», на котором может быть написано… бес его знает, что?

«Вот я, живущий, бесом обуян смеюсь и вою в спящем состоянье».

Интуицией поэта воспитанник гродненского наробраза чует, что за идейными прописями, потерявшими всякий смысл, таится не звёздный рай, а зияющая пустота.

Это и есть лейтмотив, пронзительная сквозная нота, выстраданный голос поэта среди какофонии мира.

«Вы - то звезда, а то - древесный ствол, то вы - мотив в сосульчатой челесте. А я - творец пустопорожних волн и созидатель бубличных отверстий...»

Дырка от бублика – такое же обозначение мнимости, как «сажа бела», как «древесный ствол, обманно мерцающий «в сосульчатой челесте».

Бытийная задача поколения, которое историей выставлено в мнимость, - заполнить

этот вакуум. Во что бы то ни стало!

Но как заполнить, если в сознании – «память поражений»? Если висит «окаянная, черная тоска»? Если лежит «остывшая зола»? Если мучает мысль, что всё кончено, что мир фальшив и ненадёжен? И что мы – свечи на ветру, бабочки над морем. А море после шторма обманчиво спокойно. А мы вырвались, выжили. А нам так повезло! А дальше что?

«А дальше? Эх, лучше бы не знать…»

Попробуй-ка найти смысл в этом кавардаке.

«Если что-то и имелось там, где быть должна душа - истомилось, изболелось, не осталось ни шиша».

И ещё – с точным указанием исторических обстоятельств потери:

«Верил я в пасторальный мотив - мол, добро и любовь, и свобода. Не заметил, как этот наив обернулся безумьем испода».

И ещё – с грустной оглядкой на детство:

«Был мальцом беспечным, а моргнул и сник - обещало вечность, оказалось - миг. Где мой мир прекрасный? Ну-ка, покажись. Обещало праздник, оказалось - жизнь...»

И опять сквозной, учуянный изначально, неотступный мотив пустоты, зияния, провала:

«Пусто, пусто в мире. Длины с высотой множь как хочешь шире - а объем пустой».

И опять – взгляд в небеса:

«Из оболочки тесной душа - тиха, нема - той пустотой небесной высасываема».

Из этой тесной оболочки надо выходить в мир, непоправимо опустевший. То есть, вкладывать душу в стихи, со стихами выходить к людям и, простите, печататься.

И тут судьба мгновенным поворотом меняет поле деятельности.

Опять отца переводят? На сей раз из гродненской глубинки в Каунас. Какие-нибудь полтораста километров к северу. А контраст ощутим. Хотя формально всё традиционно-советски. «Пятнадцатилетний капитан» не успевает закончить школу в Беларуси. Он получает Атестат зрелости и обучается на инженера уже в Прибалтике. Там и печататься начинает.
Уже в 80-е годы.»

Так стало лучше?

«Свободы слова» в Литве, наверное, чуть побольше, чем в Березниках или Белоруссии, - при всей обязательности общесоветских законов. Там молодые таланты ощущают на себе и тяжесть общегосударственной цензуры, и тесноту издательских площадей. Тут, в Прибалтике, эти формы «гнёта» послабее – сказывается особая забота власти о братских литературах. И традиции европейской терпимости сказываются. И уже брезжит на горизонте компьютерный век с его сетевыми системами, в которых каждый волен размещать всё, что душе угодно.

Так что с душой-то?

И тут ситуация разворачивается другим боком.

В России или Белоруссии ты пишешь в естественном для русской словесности языковом поле.
В Прибалтике ты попадаешь в отчётливо очерченное языковое меньшинство. Слава богу, гродненского пришельца не выпихивают в «неграждане» - дают литовский паспорт. И «крохотный двухэтажный домик с торшером» - уютнее бетоно-блочной хрущёвской пятиэтажки.

Но самоощущение русского поэта, работающего в славянской языковой среде, - совсем не то, что самоощущение поэта, который должен оберегать (и отстаивать) свою русскость в среде, номинально (и реально) иноязычной.

Вот и пойми, где лучше, где хуже.

У Таблера хватило силы характера отстоять себя. Хотя он и ушёл в смутно-свободные ниши «сетевой» поэзии. Там он и обрёл настоящую славу поэта. Которая и подтвердилась в 2003 году - первой книгой, изданной в Вильнюсе, - томиком избранного.

Его поэтическую репутацию среди коллег (что важно) и среди так называемых «простых читателей» (чье внимание не менее важно) один из коллег обрисовал так:

«Стихи Владимира Таблера подкупают своей искренностью и лиричностью. В них нет «искристого» выверта для привлечения внимания, той мишуры, которой иной раз грешат многие пишущие, принимающие блеск самовара за блеск золота».

Я бы кое-что оговорил в этой характеристике. Искристых вывертов для привлечения внимания – нет. Но отделка стиха иногда всё-таки искрит, посверкивает, отблёскивает. Это можно заметить уже по стихам, которые я цитировал. Можно и ещё:

«Воздух густ и наст проломлен, март, как истина, промолвлен». (Усекли рифму?).

«И душа соосна с соснами» (Усекли аллитерацию?).

«Торопит ката тать» (Усекли мотив: «укатать»?).

«Играй, скрипачок, этот рай смыкай с глюками твоих брамсов» (Усекли игру имён?).

«Прав ли твой инквизитор? Транк ли твой вилизатор? Знаешь, по ком позитор? Чуешь, по ком мутатор?» (Всё, больше не буду).

А знаете? При всей иногда щегольской выточенности стиха – не пропадает ощущение, что это не так уж важно; куда важнее таящаяся под звёздочками «находок» гулкая, чистая «даль», поражающаяся прозрачностью и настолько тревожная, что жаждешь в этой пустой немоте зацепиться за любую реальную деталь, напороться на колючку, застрять в ветвях – только бы заполнился невыносимый вакуум между землёй и небом…

…Между тобой и Богом? Это у атеиста, воспитанного на богоборческих школьных цитатах двухвековой давности!? Да ему легче скорчить зазеркалью рожу, чем в него поверить! Фертом выставиться! Я – венец! Я – бывший смерд! Я царь! Или так, с вызовом, ещё более тонким: Я – насекомое! Но – живое! А бог - умер. Так, что ли?

Если бы так! А почему тогда душа рабская тихо к Господу просится? Может, Он вовсе и не умер?

«Бог с кончиной всех провёл, как шулер, помирать-то Богу не к лицу... А октябрь по-прежнему бушует, словно скорбь по мертвому творцу» . (Октябрь – с маленькой буквы, ничего общего с Великим Октябрём, а вот Бог – уже с большой).

Если Он есть, конечно… Тогда возможен и диалог:

«Что дальше? Там, за разрушеньем плоти? И как насчет бессмертия души?.. Пройду свой путь и растворюсь в природе. А что с душой моею - сам реши...»

Увы, перекинуть решение Всевышнему – не удаётся. Заполнять вакуум мирозданья надо самому. Натыкаясь на колючки, напарываясь на углы, налетая на стены… Но эти колючки, эти углы, эти стены и есть реальность.

А социум?

А тот социум, который воцарился на руинах рухнувшего тоталитаризма и о котором «трындит попса», - это для Таблера вовсе не реальность, это хуже, чем имитация: иногда он отмеряет ей пару-другую четверостиший…

«Из мира, где деньга и пот, где лямку тянешь чтоб этот бутер, этот брод, и чтобы глянец, где суета и словеса, и бодибилдинг, и где свирепствует попса, ибо дебилдинг... Хоть в самоедские снега, хоть в Аппалачи - от жизни сучьей навсегда к чертям собачьим…»

Ясно, что мир торжествующего чистогана для Таблера не существует.

Надо выстраивать другой, свой, подлинный, реальный мир.

Из чего?

Есть три «проекта» - соответственно трём странам, давшим приют и сохраняющимся в генной памяти, - они зияющими вехами сияют на пути: Россия, Германия, Литва. (Белоруссию не трогаем: она в данном случае почти что Россия).

Яснее всего – с Литвой. Это что-то вроде природной «заимки», куда от веку можно было бежать из белокаменной российской крепости. Литва и у Таблера такова, она природная: «шмели, птахи, чешуйки, шёрстки, цветы, коренья, волокна, нити…»

Сложнее с Германией.

В условиях советской многонациональности немецкая генеалогия значения не имела. Но настал момент, когда «Оттович» с паспортной странички перекочевал в стих. И тут фатальным шрамом заныла прошедшая война. Хоть и прошедшая, вроде бы перетащенная в детские игры, - она вновь вспыхивает и обжигает, когда Поэзия примеряется к Смыслу. И тогда приходится выдерживать очную ставку – через линию огня.

«Из густого ельника, из леска соснового покричи солдатикам многия лета - для штрафбата драного да для Ваньки-взводного, чья парнАя кровушка немцем пролита».

«Тысячу лет зима. И согреться нечем. Хоть мне пятнадцать, но стар я, как вечный жид. Да и не жид, конечно, а так себе - полунемчик... Их бин мамут, что в мерзлотных пластах лежит» .

Заметим, что «мамут» здесь скорее мамонт, чем мамин сын. Тем более, что от мамы здесь – саднящее, неизбывное, ещё и усугублённое немецкой подсветкой бездонное чувство русскости.

«Мать честна!» - это самоощущение всё время проскальзывает в лихих проговорках. «Пруха без трухи» - молодецки вскидывается в словесных приколах. «Таскать его – не стаскать… Не тройка ты, Русь, - плацкарт…», - прикалывается к знаменитым определениям Руси (знаменитые словеса, как я уже сказал, Таблер обыгрывает с особым смаком).

И наконец из «нечаянных» касаний русская тема встаёт в прямой реальности, которую исчерпать немыслимо, понять непосильно, а только – довыть, долюбить, дострадать, дотерпеть…

Помилуй, Боже, и спаси ты чад своих, с рожденья сирот,
на неприкаянной Руси, где всё навыворот, навырост,
где каждый мал и каждый сир, где каждому даны, как схима, простор, что так невыразим, любовь, что так невыносима.
Где каждый сразу - раб и царь, где бел бычок и стать особа,
хоть ты надеждою мерцай, как бочажок среди осота.

Автор: Администрация портала
02.02.2021 00:00

Помилуй, Бог, своих овец, сбежавших в поисках благого
куда-то на другой конец большого пастбища земного.
Всех брошенных под перекрой одной шестой в другие дроби своею милостью прикрой,
стыдобной тяжестью не горби. Повязанным на языке, на том, что мама мыла раму,
на том, что в каждом тупике подозреваем выход к храму,
всем нам - кто соль и кто сырьё недоброй матушки-России,
дай сил, Господь, любить её и не извериться в бессилье.

Вот и всё. Финал страданья. Конец пути.

Пятьдесят три года жизни отмеряет судьба Владимиру Таблеру – в 2010 году он умирает в литовском своём «крохотном домике», оставив сыновей и внуков, которые вместе с невестками и снохами очерчивают светлоликий круг в полтора десятка душ.

И ещё оставляет он несколько поэтических шедевров для золотого фонда русской лирики. Несколько колючих, ранящих, жалящих шедевров, в которых выточенность и отделка не возвещают душе звёздной гармонии, а заставляют кровоточить.

По обыкновению, Таблер воскрешает в памяти читателя какую-нибудь проверенную временем пропись.

Per aspera ad astra, - учили древние римляне. – Через тернии – к звёздам!

И листик осоки простой –
как он совершенен и точен!
И белою вымыт росой,
и желтой луною заточен.

Этот заточенный природой листик - не веха ли на том тернистом пути, который должно проложить на реальной земле упрямое сознание? Не в миражах, а в тёрне, в терниях, в терновниках. Не в звёздных высях, а в террариуме жизни.

Обними и улыбнись. Посмотри - у края ямы
два ростка переплелись одинокими стеблями...

(с) Лев Аннинский.
Послесловие к книге Владимира ТАБЛЕРА
"Когда оглянешься", М., 2011.

*

Электронная версия книги Владимира ТАБЛЕРА

"Когда оглянешься", М., 2011